

Научная статья

УДК 94(37)

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-9-28

Invidia status* и *imperium maris*: к вопросу об интерпретации визуальных осей на древнеримских *villae maritimae

Вячеслав Григорьевич Тельминов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Москва, Россия

telminoff@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2260-1558>

Аннотация

На основе литературных источников и с опорой на результаты раскопок виллы Сан Марко в Везувианском регионе формулируется новый взгляд на проблему визуальных осей в древнеримской репрезентативной жилой архитектуре поздней Республики и раннего Принципата, в первую очередь на приморских виллах нобилитета (*villae maritimae*, *villae otium*). В полемике с Уоллесом-Хэдриллом и его представлением о фронтальной визуальной оси, объединяющей все основные помещения и демонстрирующей перспективу социальной мобильности, автор обосновывает наличие боковых перспектив, которые могли вызывать иные смыслы и ассоциации у посетителей (суггестии). Всё многообразие осей группируется в систему из двух главных типов перспективы: *invidia (status)* – «претензия на статус», и *imperium (maris)* – «контроль над состояниями природы».

Ключевые слова

Древний Рим, *villae maritimae*, политическая коммуникация, Spatial Studies

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-78-00133)

Для цитирования

Тельминов В. Г. *Invidia status* и *imperium maris*: к вопросу об интерпретации визуальных осей на древнеримских *villae maritimae* // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 1: История. С. 9–28. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-9-28

Invidia status* and *imperium maris*: Interpreting Visual Axes on Ancient Roman *villae maritimae

Vyacheslav G. Telminov

National Research University Higher School of Economics

Moscow, Russian Federation

telminoff@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2260-1558>

Abstract

The article considers from a new perspective the concept of visual axes in ancient Roman representative residential architecture, employing Villa San Marco as a case for the study of typical seaside villas of the nobility. The private estates of the Roman nobility, including *domus*, *villa suburbana* and *villa maritima*, functioned not only as retreats but also as venues for hosting guests and engaging in political discussions and decisions. Such residences were designed to accommodate large gatherings while serving as a status instrument and showcasing their owners' taste and wealth. Within these villas, public representative spaces and private areas coexisted not in a random manner but following several structural principles, including that of a visual axis. Wallace-Hadrill introduced the concept of a frontal visual

axis that linked almost all public and private spaces within a domus, thus demonstrated a certain prospect of social and loyalty mobility. The author of the article argues for the existence of lateral perspectives that could evoke different meanings and associations among guests, offering additional layers of interpretation. All identified axes are classified into groups according to their location and possible suggestions as *invidia* – “claim to a new status”, and *imperium* – “control over nature”. By introducing these two new types of perspectives, the article enriches the previously established idea of a single axis, thereby enhancing our understanding of the public-private landscape of a Roman seaside villa.

Keywords

Ancient Rome, *villae maritimae*, Political Communication, Spatial Studies

Acknowledgements

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project no. 22-78-00133)

For citation

Telminov V. G. *Invidia status and imperium maris: Interpreting Visual Axes on Ancient Roman villae maritimae. Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 1: History, pp. 9–28. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-9-28

В античности сфера публичности распространялась на более широкий круг ситуаций и сценариев жизни гражданина и, в особенности, политического деятеля. Римляне редко оставались одни и поэтому очень подозрительно относились к тем, кто собирался за закрытыми дверями. Так, в постановлении сената «De Vassahanlibus» 186 г. до н. э. в вину подозреваемым особенно вменяется именно тайный характер собраний, что имплицитно и становится главным составом преступления адептов данного культа¹. Постоянное «присутствие на глазах» у *clientes* и, шире, *populus romanus* было пререквизитом любой политической карьеры.

Любое «присутствие» и «выступление» включает в себя как выступающего, так и зрителей, а их коммуникации требуется подходящее пространство. Одной из арен для подобных выступлений в Древнем Риме была загородная резиденция. Более того, по мере накопления сведений из археологии римская вилла начинает всё больше представлять не просто в качестве одного из мест политической коммуникации, но и в некотором смысле как один из важнейших центров социальных ритуалов в римском мире [D’Arms, 1970, p. 5]. Это касалось не только нобилитета, но и других групп общества, соединенных с первым разнообразными социальными связями. Этимологически термин «nobilis» недаром восходит к слову «gnobilis» (известный, наглядный)². Члены римского нобилитета постоянно находились в условиях *conspectus populi* (что можно вольно перевести как «народный контроль»). В этой связи уместно вспомнить эпитафию на погребении консула 259 г. до н. э. Луция Корнелия Сципиона, содержащую слова: *hic fuet apud vos*³.

Многие из социальных ритуалов на римских виллах включали в себя значительный экономический аспект. Действительно, в античной экономике процесс обмена материальными благами сложно отделить от того, что Маусс назвал «обменом любезностями, развлечениями, ритуалами и праздниками»⁴. Таким образом, социальная активность на виллах была сплетена множеством связей не только с политическими, но и с экономическими отношениями, которые в античном обществе не обладали автономностью.

По выражению Хабенштайн, при анализе римской политической коммуникации следует учитывать статус не помещений, какими бы приватными они ни казались, а *людей*, которые в данных помещениях пребывали. Поэтому политика, понимаемая как общение и взаимодей-

¹ На это красноречиво указывает тот факт, что в данном постановлении сами по себе культовые собрания не запрещаются – запрещается лишь собираться без предварительной «регистрации» у претора, то есть втайне: «*Sacra in oquoltod ne quisquam fecise uelet, neue in poplicod neue in preiuatod neue exstrad urbem sacra quisquam fecise uelet, nisei pr(aitore) urbanum adieset, isque de senatuos sententiad, dum ne minus senatoribus adesent quom ea res cosoleretur, iousisent*» (15–18 // CIL I², 581).

² Nobilis [Lewis, 1890].

³ *Consol censor aidilis hic fuet apud vos* (CIL I², 9).

⁴ Цит. по: [Marzano, 2007, p. 6].

ствие элиты, могла происходить буквально в любом месте, где друг с другом встречались римские сенаторы, независимо от того, происходило ли это в Риме или на загородной вилле [Habenstein, 2015, p. 51–94]. Виллы больше не предстают, как в предыдущих исследованиях, в качестве «частных» убежищ, но, наоборот, начинают восприниматься как изысканная арена для общения и дистанции, т. е. в качестве среды, где римский нобилитет осознанно демонстрировал свой утонченный образ жизни, целью которого было представлять или конституировать свои *честь* и *статус*. Данное утверждение можно перевести на язык социальной психологии и архитектуры следующим образом: несмотря на «интровертный» вид римских роскошных вилл, которые часто напоминали обращенные внутрь себя крепости, за их стенами скрывалась важная политическая деятельность⁵.

Таким образом, мы можем утверждать, что на вилле представителя римского нобилитета кроме обычного, физического пространства существовало еще и *пространство политики*, или, другими словами, четвертое, «политическое», измерение.

Согласно Цицерону, доступ на виллу к политическому деятелю был открыт большому количеству людей: «Доступ к тебе весьма легок <...>; ни одному человеку <...> не закрыт доступ <...> не только к твоему трибуналу, куда допускается весь народ, но также в твой дом и твою спальню <...>»⁶.

В письме, адресованном своему другу Марку Марию, Цицерон сожалеет, что остался в Риме вместо того, чтобы отдохнуть на вилле, и с завистью описывает, как его друг Марк Марий «открыл себе» из своей стабианской виллы вид на море и окрестные города⁷. Известно, принимал ли Марк Марий у себя такое же число гостей, как Цицерон, но здесь красивый пейзаж сравнивается со сценой театра, от которой недалеко и до *политической* сцены.

В трактате «Об обязанностях» Цицерон пишет, что вилла предназначена для приема самых разных гостей, называя совокупность гостей словом *multitudo* (толпа): «Et hospites multi recipiendi et admittenda hominum cuiusque modi multitudo» (Cic. Off. I, 139). Здесь Цицерон, неоспоримый знаток и ценитель роскошных вилл, указывает на важную особенность частных резиденций, которые не просто годились в качестве площадки для приема гостей, но, по сути, *специально* возводились или приобретались для этого. Их целью было, таким образом, производить впечатление, служить статусным инструментом, демонстрировать вкус, богатство, влияние хозяина, а также контроль над пространством и природой⁸. Кроме того, приморские виллы (*villae maritimae*) были особенно ярким воплощением божественного стиля жизни римских нобилей.

Вилла была местом, связанным с исполнением социальных обязанностей, которые в Древнем Риме сложно отделить от политических отношений. В усадьбе проходили деловые встречи и организовывались ритуалы, включавшие разный круг гостей и свидетелей. Социальные формы, в которые облекалась политическая коммуникация, могли включать в себя ужины, собрания, совместные «отпуска» и т. д.⁹ Так, Цицерон упоминает о встрече на вилле с шурином Цезаря Бальбом, на которой они обсуждали (вероятно, в числе прочего) политику Цезаря (Cic. Off. II, 3). Также он, очевидно, именно в своей усадьбе планировал встретиться с Милоном, добивавшимся на момент написания письма (56 г. до н. э.) претуры (Cic. Off. IV, 12).

⁵ В своей монографии Хабенштайн демонстрирует, как благодаря использованию вилл в рамках политической коммуникации представители римского нобилитета продолжали активно участвовать во всех важнейших процессах, даже физически отсутствуя в Риме [Habenstein, 2015, p. 33–34].

⁶ Cic. Q. fr., I, 1. Здесь и далее пер. В. О. Горенштейна по изданию: Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Т. I, годы 68–51. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1949.

⁷ Neque tamen dubito, quin tu in illo cubiculo tuo, ex quo tibi Stabianum perforasti et patefecisti Misenum (Cic. Fam. 7, 1).

⁸ По поводу контроля за сенсорными впечатлениями посетителей римских вилл см.: [Platts, 2019].

⁹ «Social interactions between members of the elite and their peers, friends, and clientes took place in maritime villas more or less regularly, depending on the villa-density in the area and the vicinity of towns. Dinner invitations were exchanged, political meetings convened, and invitations for a holiday sojourn extended to friends» [Marzano, 2007, p. 18].

Упоминается и обед у Помпея, которого автор «отвлек... от всяких иных мыслей и склонил к намерению защищать свое (Корнелия Лентула Спинтера¹⁰) достоинство»¹¹. Отметим, что речь в данных эпизодах идет именно про обсуждение политических вопросов (ср. [Хоуи, 2017, р. 240]). Усадьба, таким образом, выступала как средство привлечения к себе новых политических и деловых партнеров и повышения престижа (Cic. Comm. pet.). В итоге социальный статус хозяина мог зависеть от уровня социальной активности, которая часто происходила именно в пространстве виллы [Wallace-Hadrill, 1988, р. 45].

Личное пространство политического деятеля как фактор, который влияет на статус ее хозяина, представлено не только в личных письмах, но и в текстах, рассчитанных на широкую аудиторию. Так, Цицерон в речи в защиту Лициния Мурены подчеркивает, что римский народ ненавидит роскошь и пышность у частных лиц, но ценит их в общественных делах (Cic. Pro Mur. 76). Указание на нежелательность пышности в контексте защиты свидетельствует о значимости этого фактора и подтверждает то, что оформление пространства участвовало в формировании образа человека и, соответственно, влияло на политику.

Аналогичная идея присутствует у Варрона в рассуждении об «общественном здании» (*villa publica*) в контексте электоральных мероприятий: «Но скажи, разве эта вилла, которую построили наши предки, не скромнее и не лучше твоей реатинской со всеми ее украшениями и отделкой? <...> И эта вилла является общим достоянием всего народа, а та – только твоим; она построена, чтобы граждане и прочие люди могли зайти сюда с Поля; она служит для дел государственных: сюда собираются толпы, созданные консулом для набора, сюда приносят для осмотра оружие, сюда цензоры приглашают народ для переписи»¹².

Практика строительства загородных вилл, предназначенных для отдыха [Astin et al., 2008, р. 509–510], приходит в Древний Рим в позднереспубликанское время. Постепенно возникают три главных области курортной застройки, в отношении которых действовала определенная сезонность. В марте и апреле нобилитет собирался на кампанском курорте в Байях, летом переезжал в Альбанские горы или на озера северной Италии [Mayer, 2005, р. 28, 30]. Сезонность акцентировала социальный характер такого отдыха. Хотя эти курорты предлагали различные удовольствия и вне общепринятого сезона, в самое комфортное время там концентрировался весь свет и «полусвет» римского общества [Mayer, 2005, р. 15–16; Хоуи, 2017, р. 239].

В состоянии постоянного общения каждому человеку требуется время, чтобы прийти в себя. И Цицерон не был исключением – наоборот, его даже можно назвать одним из самых известных интровертов античности, так как он эксплицитно жаловался на недостаток приватности в нескольких фрагментах своих писем и трактатов. Так, однажды он сетовал в частной переписке, что не может спокойно отдохнуть на своей вилле: «У меня не усадьба, а базилика, большое стечение формийцев... Но я оставляю в стороне простой народ: после четвертого часа эти остальные не в тягость. Гай Аррий – мой ближайший сосед, а сейчас уже даже сожитель; он говорит, что не едет в Рим для того, чтобы целые дни философствовать здесь со мной»¹³.

О большом количестве посетителей в усадьбах свидетельствуют и такие фразы, как «в утреннее время мой дом переполнен» (Cic. Att., I, 18), «Только я написал эти строки, вот и Себос. Не успел я вздохнуть, как Аррий уже говорит мне: “Здравствуй”. И это значит удалиться из Рима! <...> если я не смогу быть один, то лучше буду общаться с деревенскими, чем с этими слишком городскими людьми» (Cic. Att., II, 15). В другом письме Цицерон называет

¹⁰ Публий Корнелий Лентул Спинтер (ок. 101–46 гг. до н. э.) – политический союзник Цицерона.

¹¹ Cic. Fam., I, 2.

¹² Varro. Rust. 3, 2, 2. Перевод М. Е. Сергеенко по изданию: Варрон Марк Теренций. Res rusticae. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963.

¹³ Cic. Att., II, 14. В Древнем Риме базилика представляла собой здание, которое использовалось для проведения торговых сделок и заседаний суда. Тем самым Цицерон указывает, что его вилла была в большей степени общественным зданием, чем местом приватного отдыха.

Кумы «малым Римом», а свою виллу городской усадьбой *domus*, намекая на плотное соседское окружение (Cic. Att. V, 2).

Как мы увидели выше, отчасти в необходимости интенсивного общения на своих виллах был «повинен» сам Цицерон, который предпочитал иметь виллы в наиболее престижных курортных местах, тем самым повышая свой престиж (*dignitas*). Путем приобретения виллы в таком месте в довесок к недвижимости возникала социальная обязанность общения с соседями¹⁴. Уже в эпоху империи, когда публичность стала играть меньшую роль в политической карьере, Плиний Младший выбрал Тускулум, так как там было меньше статусных соседей и можно было отдохнуть¹⁵.

Итак, античную виллу вполне можно причислить к категории общественных пространств.

Но если мы будем воспринимать и обозначать все пространство виллы в качестве общественного, не пытаясь категориально и содержательно осмыслить структуру, это может завести в тупик. На наш взгляд, у Маргарет Кон есть весьма уместное определение в этой связи¹⁶. Общественным является то пространство, которое в независимости от того, кто его контролирует, является доступным для многих людей и поощряет их взаимную коммуникацию. В случае с *villa maritima* общественной можно называть ту часть виллы, где происходило общение между *pater familias*, членами его семьи, друзьями, клиентами и разного рода случайными посетителями и просителями.

Получается, сфера общественного пространства проникала внутрь виллы и создавала некий сплав приватности и публичности. Если допустить, что «частное» и «общественное» пространства внутри виллы сосуществовали не спонтанно, но подчиняясь неким закономерностям и структуре, становится заметным ряд структурирующих принципов. Один из таких принципов – перспективу – впервые описал Уоллес-Хэдрилл применительно к римским виллам и (в большей степени) к городским усадьбам.

К архитектурному устройству древнеримских усадеб обращались многие исследователи: Дж. Д. Армс [D'Arms, 1970; 1974], А. Уоллес-Хэдрилл [Wallace-Hadrill, 1988; 1997], Дж. Кларк [Clarke, 1991], Дж. Смит [Smith, 1998], Й. Майер [Mayer, 2005], Ж. Кастекс [Castex, 2008], А. Марцано и Метро [Marzano, Metraux, 2018], П. Гарделли [Gardelli, 2016]. Данные работы важны с точки зрения описания архитектурного наполнения, визуальных систем маркировки, функций комнат и свидетельств перестройки в ходе ремонтных работ¹⁷. Однако авторы, как правило, не ставили перед собой задачу определить наличие зонирования и способы его проявления в пространстве вилл, а также их трансформацию в ходе социально-общественных и политических преобразований. Интерес на этом фоне представляет статья Хоуи, в которой он сформулировал концепцию «взаимопересекающихся» пространств в перистильях стабианских вилл. Особая планировка садового пространства открывала гостям сразу несколько ракурсов [Хоуи, 2017, р. 243–246]. Выводы Хоуи отлично дополняют результаты нашего исследования в том, что касается перистильной части римской приморской виллы.

Уоллес-Хэдрилл сравнивал визуальную ось римского богатого дома с анфиладами дворцов в стиле барокко, которые пленяли и уводили взгляд посетителя в «дурную бесконеч-

¹⁴ «The desire to own a villa in a specific place as a status symbol could result in overcrowding, as well as in heavy social obligations, making the ideal of a quiet retreat and relaxation impossible» [Marzano, 2007, p. 18].

¹⁵ Plin. Ep. 5, 6: «Habes causas cur ego Tuscos meos Tusculanis Tiburtinis Praenestinisque praeronomam. Nam super illa quae rettuli, altius ibi otium et pinguius eoque securius: nulla necessitas togae, nemo accersitor ex proximo, placida omnia et quiescentia».

¹⁶ «A public place, although being in actual ownership of the state or a private, is accessible to many people and/or fosters communication and interaction, thus facilitating unplanned contacts between people» [Kohn, 2004, p. 9].

¹⁷ Также до сих пор весьма перспективными представляются обобщающие работы на обширном материале, археологическом и литературном. В 2007 г. А. Марцано начала закрывать эту лакуну, отмечая новаторский характер поставленной задачи [Marzano, 2007, p. 9], но пока эта работа выполнена лишь по ряду аспектов и регионов обширной Римской империи.

ность» блистательного абсолютизма [Wallace-Hadrill, 1988; 1997; 2022]. Отметим, что у Уоллеса-Хэдрилла описан только один тип визуальной оси – от входа (*vestibulum*) сквозь все важнейшие помещения (атрий, перистиль и / или триклиний)¹⁸. Такая ось, как правило, наблюдалась только в городских усадьбах (*domus*), на виллах же вместо сквозного обзора есть *другие* перспективы, расположенные в разных местах виллы. Если предположить, что они также имели *значение*, то, по всей видимости, они должны были выполнять разные функции, потому что были явлены разным категориям посетителей.

Какими могли быть эти категории? У Цицерона мы встречаем обозначение разных групп людей в зависимости от уровня доверительности. По одной версии, в порядке возрастания дистанции к хозяину виллы, это были друзья, клиенты, гости, вольноотпущенники и рабы¹⁹. По другой, более краткой, друзья, гости и клиенты²⁰. Обратим внимание, что в более длинном и детальном перечислении гости находились после клиентов и до вольноотпущенников, в более краткой – между друзьями и клиентами. Положение категории гостей после клиентов в более подробной версии позволяет нам делать вывод о большей точности именно этой версии – детальность перечисления обуславливает большую точность в отношении каждого из элементов ряда.

Предположим, что данная классификация могла коррелировать с уровнем доступа в пространство виллы. Письма Цицерона, на наш взгляд, довольно информативны в данном отношении. Как эго-документы они в полной мере выражают субъективное отношение Цицерона к пространству усадеб и его участие в политических *делах*. Именно восприятие пространства, его использование и структурирование представителями римского нобилитета является для нас ключевым.

В «Кратком наставлении по соисканию» (*Commentariolum petitionis*) младший брат Цицерона Квинт Туллий пишет о том, как следует себя вести кандидату на выборную должность: «К числу друзей ты должен относить всякого, кто проявит хотя бы некоторое расположение и внимание к тебе, всякого, кто будет частым посетителем твоего дома» (Cic. Comm. pet. V, 16), «надо также заботиться о том, чтобы тебя ежедневно провожали люди всякого рода,словия и возраста» (Ibid. IX, 34).

В этом фрагменте речь идет о соискании консульства, т. е. политической должности. Цицерон подчеркивает, что приход гостей к кандидату влияет на результаты выборов. Здесь он не указывает на непосредственное решение политических вопросов в усадьбе, однако, несомненно, обозначает роль, которую играет пространство виллы и его доступность в политике. Для более точной интерпретации данного места необходимо обратиться к продолжению следующего фрагмента: «на основании множества их (гостей) можно будет сообразить, каковы будут твои силы и возможности на самом поле. При этом бывают люди трех родов: первые приветствуют, приходя на дом; вторые провожают на форум; третьи сопровождают постоянно».

Соответственно, помимо посещения усадьбы, сторонники того или иного политика следовали за ним и в эксплицитно общественных пространствах, в частности на форум. В рассмотренном эпизоде вилла выступает не как место, где решались политические вопросы, а в качестве индикатора политической популярности. Также здесь проявляется функция усадьбы как одного из инструментов повышения социального и конкретно политического статуса: «Покажи тем, кто приходит к тебе в дом, что ты замечаешь; дай это понять их друзьям, чтобы те сообщили им об этом; повторяй об этом им самим. Так люди, обходя многих

¹⁸ Кастекс продолжил подход Уоллеса-Хэдрилла, подробно описав визуальную ось в помпейском Доме Фавна в своем компендиуме по архитектуре наиболее выдающихся зданий на территории Италии [Castex, 2008, p. 68].

¹⁹ Nunc, si me amas, si te a me amari scis, enitere per **amicos, clientes, hospites, libertos** denique ac **servos** tuos, ut scida ne qua depereat (Att., I, 20).

²⁰ Auctoritate gratia mea sic utantur in omnibus, publicis privatis, forensibus domesticis, tuis **amicorum hospitium clientium** tuorum (Fam., V, 8).

соперников и видя, что один из них обращает на их любезность наибольшее внимание, часто отдают свои голоса именно ему и оставляют прочих» (Ibid. IX, 35; IX, 34), «нужно, чтобы люди заполняли твой дом с ночи, чтобы многих привлекала надежда на защиту с твоей стороны, чтобы уходили от тебя настроенными более дружески, чем пришли» (Ibid. XII, 49).

Имея в распоряжении подобный список групп людей, которые сопровождают видного политика в общественном пространстве, было бы любопытно проследить, как эта социальная лестница менялась, будучи приложенной к пространству виллы.

В «Сатириконе» Петрония говорится о посещении виллы Трималхиона совершенно неизвестными людьми, ищущими приключения: в одном из эпизодов герои отправились на пир в качестве незваных гостей, что не помешало им принять участие в празднестве (Petron. Sat. 26–28). Из этого следует, что усадьба могла восприниматься как общедоступное место. В подтверждение приведем также цитату Варрона: «К нему в усадьбу приезжают поглядеть не на картинные галереи, как к Лукуллу, а на хранилища для фруктов» (Varro. Rust. II, 10).

Оставляя в стороне такой аномальный компонент, как незваные гости, и двигаясь снизу вверх по социальной лестнице, применимой к контексту виллы, начнем с понятия гостя (*hospes*). Цицерон говорит о госте (*hospes*) как о том человеке, с которым установлены отношения взаимного гостеприимства (Cic. Att., I, 13). Такой посетитель, к примеру, представляется автору наиболее надежным для передачи личных писем при принятии у себя. Не сумев найти «гостя», Цицерон вынужден повременить с отправкой важного письма. По набору прав и обязанностей понятие *hospes* сближается с понятием *vicinus* (сосед)²¹ – например, Секст Росций из Америи обладал статусом соседа в отношении сразу нескольких знатных родов, включая Метеллов (Cic. Rosc. Am. 15–18, 27).

Благодаря большому количеству подобных гостей, которыми окружал себя богатый римлянин, усадьба последнего могла восприниматься как своего рода «гостиница». Знатный римлянин Скавр, по сообщению Цицерона, «приезжал, нигде, кроме как у меня, не пожелал остановиться, хоть еще у его отца были приятели, что живут у самого моря» (Petr. Or. cit. LXXVII)²². С приемом гостей могли быть связаны и серьезные риски. Один из героев «Сатирикона» Петрония сетует на то, что «принял в дом свой гостя, жестокостью превзошедшего Ликурга» (Petr. Or. cit. LXXXIII).

Следующий тип посетителя у Цицерона именуется термином *cliens*. Это уже не просто гость, а партнер, вступивший с хозяином в отношения взаимовыгодного сотрудничества, правда, находящийся по-прежнему в иерархическом соподчинении. Наконец, следует друг (*amicus*). В письмах Цицерона вилла часто предстает в качестве места встречи друзей. В ряде писем он предлагает Титу Помпонию Аттику возможность выбрать, на какой вилле увидеться: в Формиях, Анции или Тускулуме (Cic. Att. II, 8–10). Также известно о встречах на вилле Цицерона с Аттиком, которому адресована почти половина из всего корпуса сохранившихся писем Цицерона. В пространстве вилл происходили также встречи Цицерона с семьей Аттика. В этих и подобных источниках вилла предстает приватным местом взаимодействия близко знакомых людей: «обедай у меня вместе с Пилией²³ на другой день после календ. Ты, конечно, это сделаешь» (Cic. Or. cit. IV, 12).

Составив представление о типичных категориях посетителей, перейдем к вилле Сан Марко, чтобы на ее примере рассмотреть их возможный маршрут. Вилла Сан-Марко была расположена на склоне холма Варано к юго-востоку от Помпей и вместе с остальными виллами, деревнями и городами Везувианского региона была уничтожена в ходе извержения 79 г. н. э.

²¹ Подробнее о *vicini* и *hospes* см.: [Lomas, 2012, p. 199–209].

²² Это нашло любопытное продолжение в традиции именовании резиденций короля, а затем особняков аристократии в Париже словом *Hôtel*.

²³ Имеется в виду тесть Аттика Квинт Пилий Целер.

Эта роскошная усадьба была построена во время правления Августа, с внесением изменений и дополнительным строительством в эпоху Клавдиев [Howe, 2018, p. 107]. Впервые она была найдена в XVIII в. и раскапывалась инженерами короля Карла VII с применением шахтной технологии, затем засыпана и забыта и заново переоткрыта и тщательно изучена начиная с 1950–1960-х гг. по инициативе сначала директора местной школы Либерио д’Орси, а затем Археологической инспекции Помпей [Howe, 2017, p. 236–237].

Невозможно провести точные границы и траектории маршрутов из-за принципиальной эпистемологической недоступности данной сферы римской повседневности. Но точные контуры нам и не понадобятся – для выявления возможных визуальных осей и связанных с ними смыслов нам будет достаточно разделить всех гостей на три условные категории (*hospes – cliens – amicus*). Таким образом, мы опишем центр и края диапазона доступности, что, с одной стороны, не будет противоречить базовой трехчастной структуре большинства общественных феноменов, а с другой – позволит не претендовать на излишнюю точность в материалах, не обеспеченных должным числом источников.

Начнем с *hospes*. К этой категории примыкают, поглощаются или накладываются также остальные малознакомые категории посетителей, перечисленные у Цицерона: вольноотпущенники и рабы, а также незнакомцы, обсужденные выше²⁴.

В сферу пространственной доступности гостя попадали, судя по расположению, интерьерным деталям и функции, следующие помещения: вестибулум с лавками для ожидания патрона (56) и атриум (54). Маршрут нанесен мной красными линиями поверх плана помещений виллы Сан Марко (рис. 1)²⁵. Обратим внимание на то, что этой категории посетителей уже доступна визуальная ось. На схеме она обозначена как *Perspectiva 1* (здесь и далее визуальные оси обозначены на схемах синим цветом).

Понимание того, что пространство виллы использовалось для приема разных категорий посетителей, поможет нам сделать еще один шаг. Наличие визуальных перспектив в разных местах виллы, доступных разным типам гостей, можно интерпретировать как результат сознательного применения одного и того же архитектурного приема в расчете на разных зрителей. Как же отличалось содержание транслируемых и внушаемых смыслов и ценностей по мере движения посетителей по своим маршрутам?

Рассмотрим перспективу 1, которая объединяет атриум (44), таблиум (59) и рабский перистиль (67). Ее, а также классическую сквозную перспективу, описанную Уоллесом-Хэдриллом, мы интерпретируем как визуальную суггестию (рис. 2), связанную со следующими ценностями, состояниями и смыслами: благочестие семьи (*pietas*, связанная с культом предков, чьи маски и бюсты могли храниться как в атриуме, так и в таблиуме), контроль над рабами в составе *familia* (так как из кабинета хозяина открывается вид на перистиль, объединяющий хозяйственные помещения *pars rustica*), щедрость *pater familias* по отношению к своим рабам (постройка перистиля для рабов была довольно редким явлением). Данную визуальную ось, на наш взгляд, можно также обобщенно охарактеризовать как внушающую *зависть*. Проблеме зависти в древнеримском обществе будет посвящено дальнейшее исследование, так как эта проблема ранее не получала пристального внимания в науке²⁶ и поэтому требует отдельного рассмотрения.

²⁴ Nunc, si me amas, si te a me amari scis, enitere per *amicos, clientes, hospites, libertos* denique ac *servos* tuos, ut scida ne qua depereat (Att., I, 20).

²⁵ Источник схемы помещений: Scavi archeologici di Stabiae. Pompeii. Soprintendenza Pompei, Castellammare di Stabia, 2016. P. 8–9.

²⁶ Недавно опубликованное исследование Э. Сандерса [Sanders, 2014] посвящено анализу зависти в Древней Греции, по Древнему Риму такое обзорное исследование еще не появлялось. Когнитивные предпосылки чувства зависти описаны у Клейна [Klein, 1957]. Отдельные аспекты понятия *invidia* в Древнем Риме упоминаются у Константа [Konstan, 2006] и Марцано [Marzano, 2007].

Ruc. 1. Маршрут для *hospes*. Фото атриума виллы Сан Марко (© Paolo Gardelli).

План помещений виллы Сан Марко

Fig. 1. The route for *hospes*. Photo of the atrium of the Villa San Marco (© Paolo Gardelli).

Floor plan of Villa San Marco

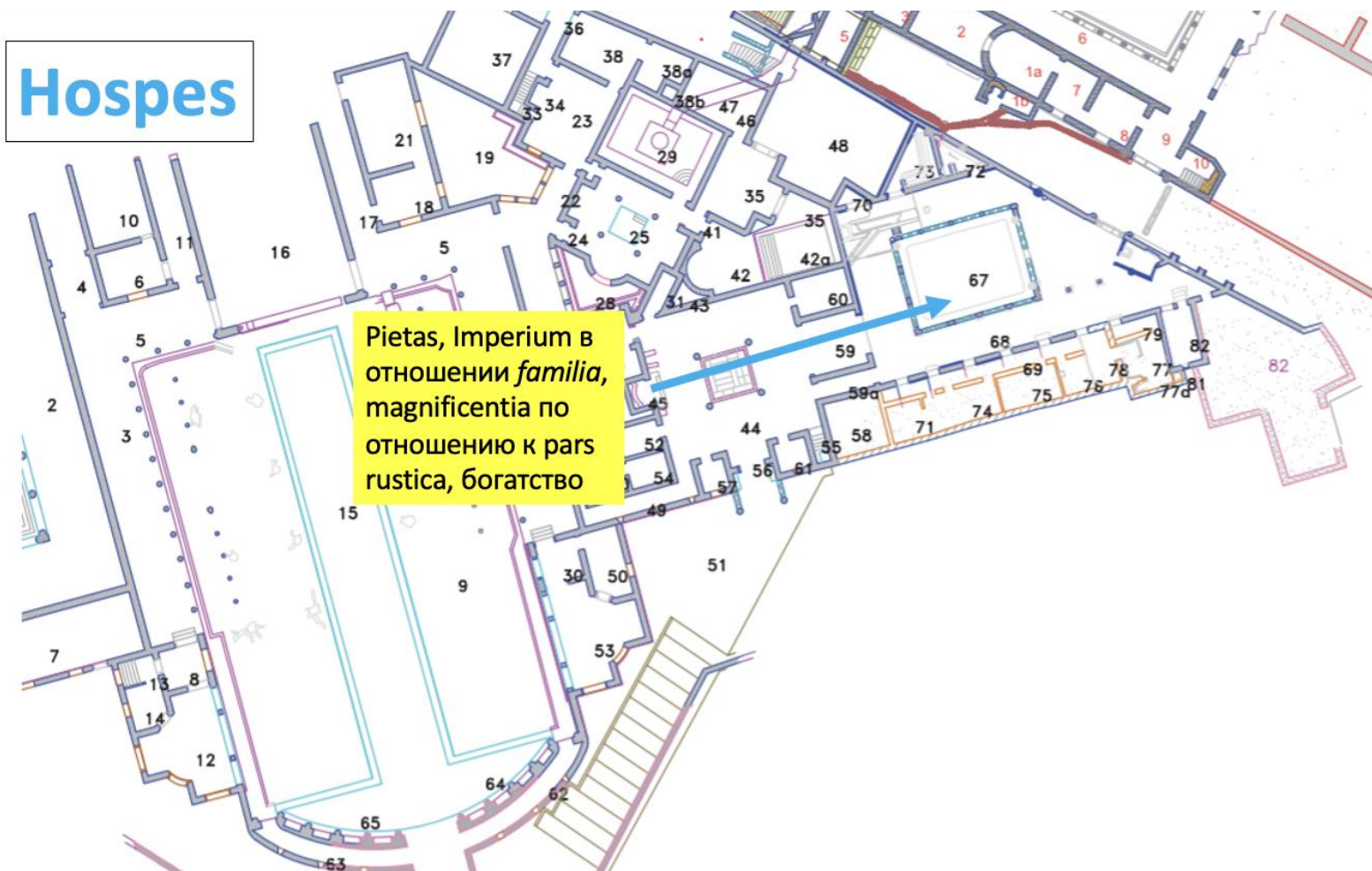

Рис. 2. Суггестии для *hospes*. План помещений виллы Сан Марко
Fig. 2. Suggestions for *hospes*. Floor plan of Villa San Marco

Теперь рассмотрим маршрут движения клиентов или союзников (*clientes, socii*). Он пролегал через помещения 59 (таблинум), 32 (коридор, объединяющий атриум и зону термального комплекса), а также 22, 24, 25, 29, 35 и др. помещения терм (рис. 3). Во время движения посетителей данной категории доступны визуальная ось 2: через помещение 28 (виридарий) и фригидарий термального комплекса (25), перспектива 3: в триклиний (19), а также 4 (вдоль короткой стороны перистилля). В качестве суггестии для этой категории посетителей (рис. 4) мы отмечаем *контроль в отношении природных сил*. Так, на примере 1 перспективы посетитель мог видеть, что в виридарии (зимнем саду) круглый год растут теплолюбивые растения. Это демонстрировало контроль хозяина над растительным миром и / или контроль над температурой среды. Через виридарий взгляд проникал дальше, во фригидарий, чья форма и угловое расположение по отношению к остальным постройкам виллы явно свидетельствовали о *жилом* происхождении. Дело в том, что ранее здесь была другая вилла, стоявшая под углом к помещениям 43, 59, 60 и др., примыкающим к атриуму 44. Хозяин виллы Сан Марко, по всей видимости, в какой-то момент докупил владения соседа и превратил жилую архитектуру в рекреационную. Но форма атриума с комплювием в крыше была сохранена, чтобы служить в новом качестве уже фригидарием (помещением с холодным воздухом и водой). Так апроприация помещений соседской виллы могла продолжать транслировать контроль нынешнего хозяина над архитектурой, а также богатство, позволяющее не только содержать термальный комплекс размером с целую виллу, но и заполнять образованные стенами промежутки зимними садами.

Наконец, перейдем к последнему маршруту (рис. 5), который был характерен для посетителей высшей степени доверительности (*amicus*). Этот маршрут пролегал через пространства 3, 5, 20 (перистиль), 8, 12, 30, 53 (элегантно оформленные в 4 стиле помпейской живописи комнаты для дневного отдыха – *dietae*), а также криптопортик 62–63. Также друзьям, безусловно, доступны комнаты для пиршеств, в частности парадный триклиний 16, выходящий одновременно и на море, и к длинному бассейну (5), упирающемуся в нимфей (65–64).

Что касается суггестий, то здесь мы видим развитие уже наблюдавшейся на предыдущей стадии темы контроля над природой (рис. 6). Здесь, однако, эта тема раскрывается в полную силу: всепоглощающая перспектива 5 выражает полный контроль как над речной водой (выраженной здесь в форме нимфея 64–65 и бассейна 5), так и над морской, великолепным видом на которую может похвастаться помещение 6 (парадный триклиний). Кроме того, тема контроля здесь выражена и в остальных частях маршрута – фрески на стенах перистилля с изображением тех же самых растений, что красовались в саду, приводили к амплификации визуального опыта и характерного для римской живописи 2 и 4 стилей «стереоэффекту», внушая тем самым идею контроля хозяина даже над визуальными ощущениями, не говоря уж о самой природе. Наконец, криптопортик, защищенный от внешних воздействий, шума, дождя, ветра и жары, позволял ощутить над собой *изолирующий* контроль хозяина²⁷.

Отдельно следует сказать о контексте пира, на который друзья, несомненно, допускались. Для тех, кто был приглашен в триклиний для пиршеств, актуализировался новый набор суггестий и перспектив.

В контексте пира хозяин мог демонстрировать свой престиж, контроль и статус множеством способов: дороговизной и разнообразием блюд, богатством столовой утвари, числом слуг, красотой фресок, пышностью цветов в декоре, коврами, канделябрами, мозаиками и т. п. [Weeber, 2003, p. 23–36]. В Тускуле у Лукулла был еще один интересный пример

²⁷ Марцано отмечает, что к I в. до н. э. *villae maritimae* стали метафорой контроля, осуществляемого человеком над природой и символом цивилизации в естественной среде [Marzano, 2007, p. 21]. Архитектура действительно может выражать собой власть человека или общества над пространством [Dreger, 1965]. Подробнее о мотиве контроля хозяев загородных вилл над силами природы см.: Stat. Silv. 2.2.

Рис. 3. Маршрут для *cliens*. Фото перистиля виллы Сан Марко (© Paolo Gardelli).
 План помещений виллы Сан Марко

Fig. 3. The route for *cliens*. Photo of the peristyle of the Villa San Marco (© Paolo Gardelli).
 Floor plan of Villa San Marco

Cliens

Imperium в отношении природных сил, архитектуры и температуры, богатство

Imperium в отношении природных сил, архитектуры и температуры, богатство

Рис. 4. Суггестии в отношении *cliens*. План помещений виллы Сан Марко
Fig. 4. Suggestions regarding *cliens*. Floor plan of Villa San Marco

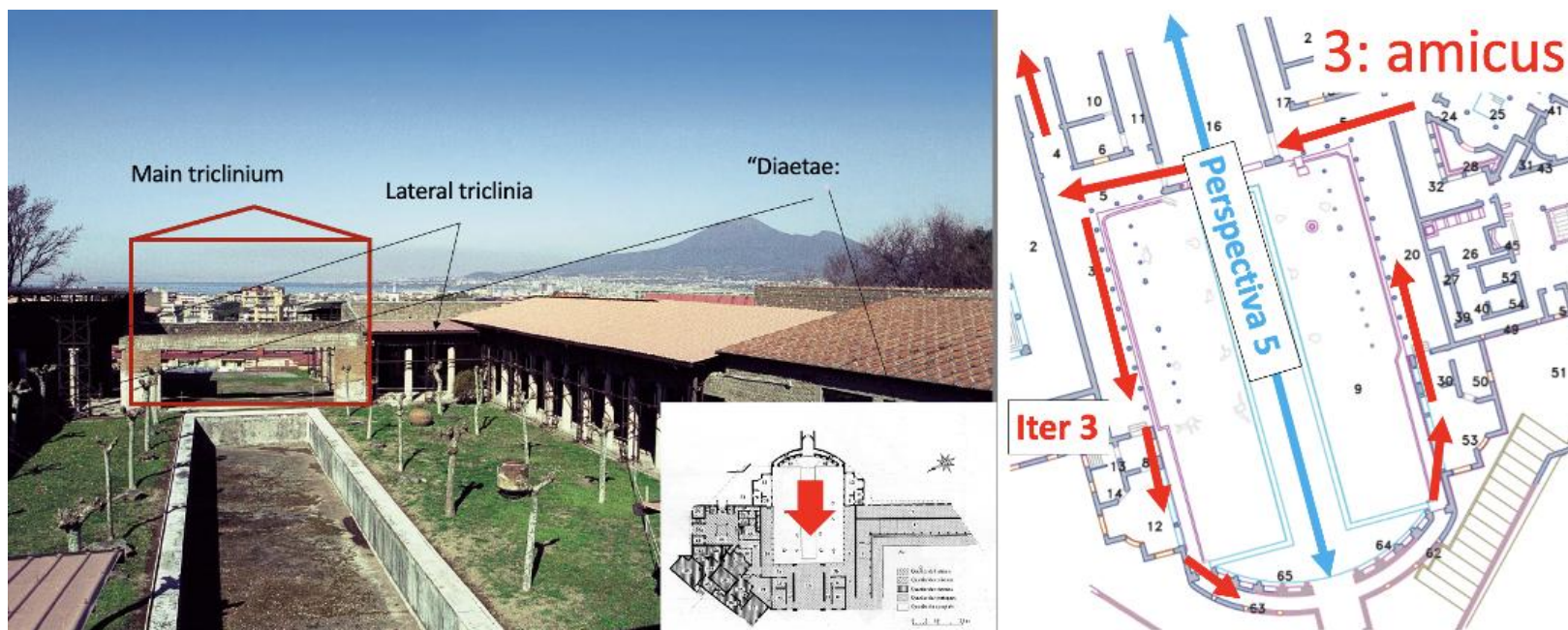

Рис. 5. Маршрут для *amicus*. Фото перистиля виллы Сан Марко (© Paolo Gardelli).
 План помещений виллы Сан Марко

Fig. 5. The route for *amicus*. Photo of the peristyle of the Villa San Marco (© Paolo Gardelli).
 Floor plan of Villa San Marco

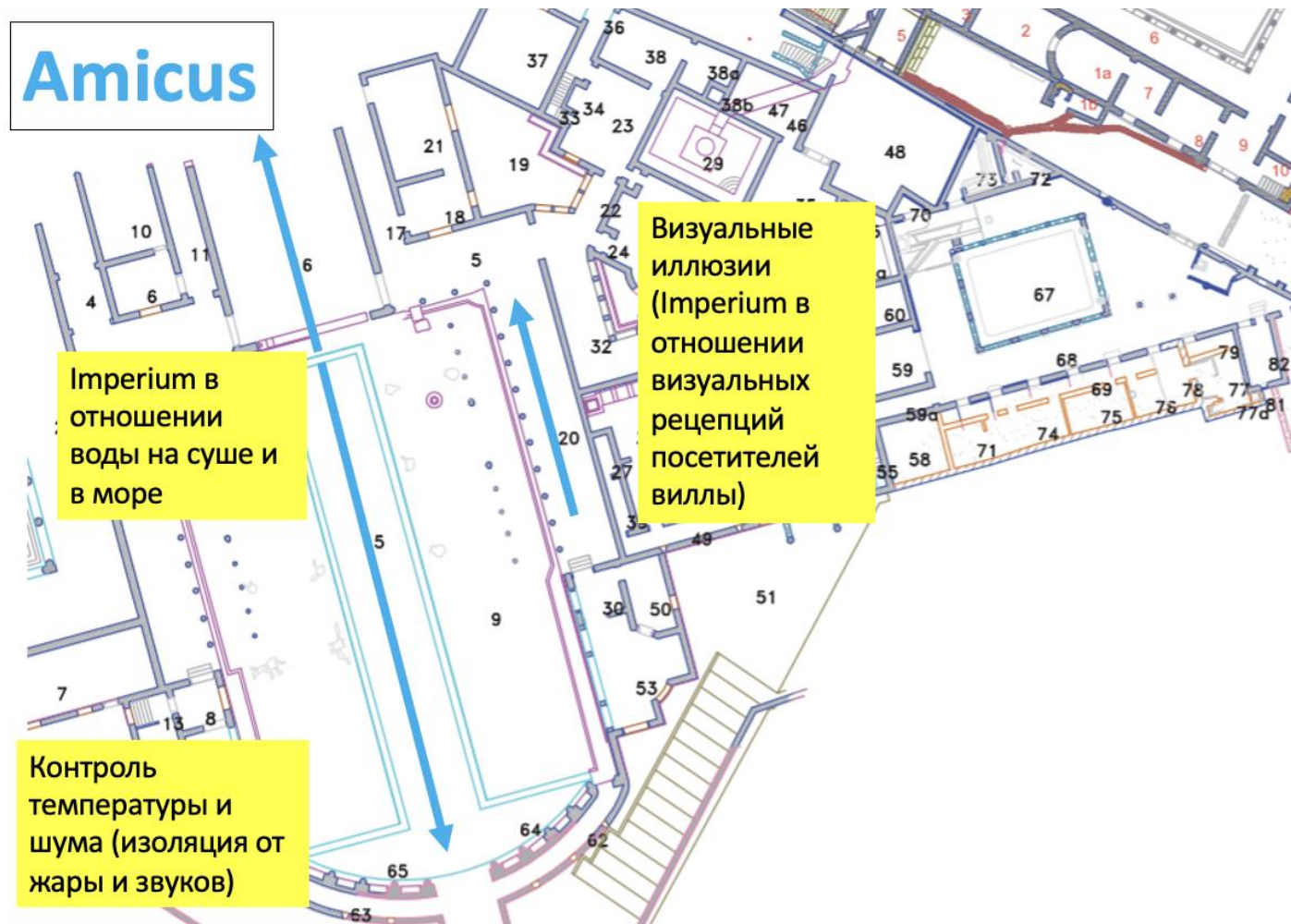

Рис. 6. Суггестии в отношении *amicus*. План помещений виллы Сан Марко
 Fig. 6. Suggestions regarding *amicus*. Floor plan of Villa San Marco

перспективы – во время банкетов, где подавали птицу, гости могли прямо из триклиния наблюдать за птицами в вольере. Пиршественный зал был встроен в вольер, поэтому можно было одновременно видеть приготовленную птицу (убитую по воле хозяина и лежащую на тарелке) и еще живую. Такая перспектива воплощала идею своеобразного контроля над миром животных (Varro. Rust. III, 4, 3)²⁸.

Опираясь на тезисы, высказанные в монографии Хабенштайн, Лундгрин показал, до какой степени устарел образ Лукулла, предающегося только удовольствиям в садах и живущего вдали от политики. Через призму политической культуры Римской республики он убедительно показал роль обстановки, оформления, а также прочих атрибутов банкетов на его вилле (и других подобных виллах) в качестве формы политического общения и демонстрации социальных аспектов дистинкции в рамках римской знати [Lundgreen, 2019, p. 99–100].

В завершение представим кумулятивную схему визуальных осей, которые, сознательно или бессознательно, внедрялись на римские *villa maritimae* для оказания воздействия на посетителя (рис. 7). Слева представлена классическая визуальная ось римской городской усадьбы (*domus*) по Уоллесу-Хэдриллу. Справа – выявленные визуальные оси на загородных виллах.

1. «Перспектива социальной мобильности» (*Perspectiva mobilitatis socialis*, Pmob): вестибюль – атриум – таблинум – перистиль (триклиний).
2. «Перспектива зависти (претензии) к статусу» (*Perspectiva invidiae status*, Pinv) – боковые виды на недоступные помещения.
3. «Перспектива контроля» (*Perspectiva imperii*, Pimper)²⁹: связывает помещения и окружающий ландшафт.

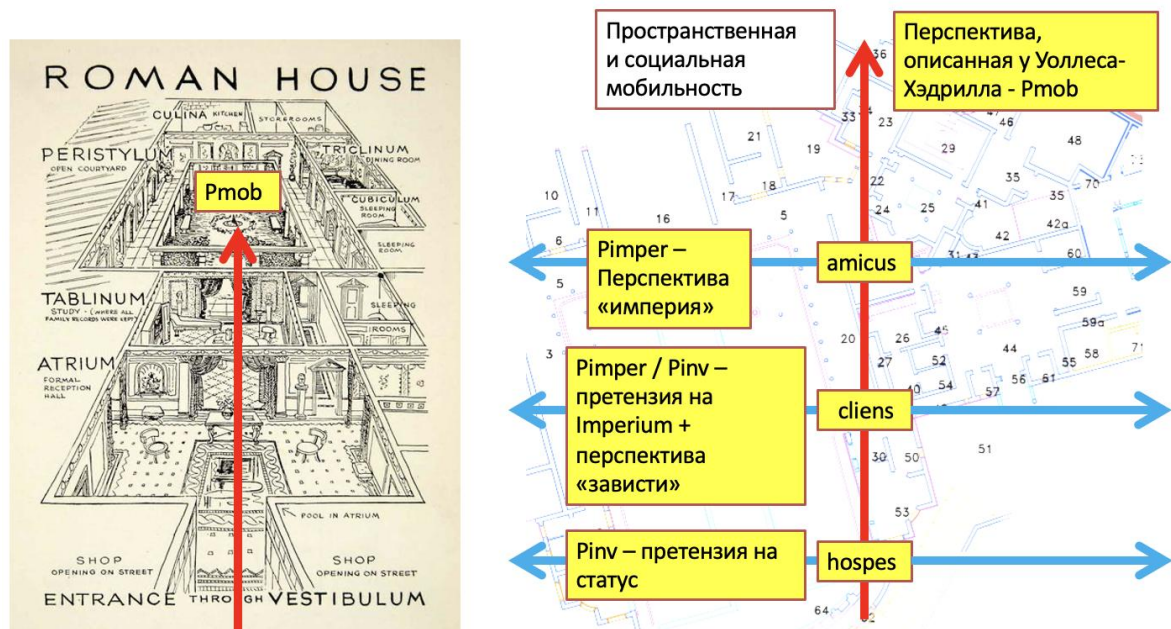

Рис. 7. Классификация типов визуальных осей на римских *villae maritimae*
Fig. 7. Classification of types of visual axes on Roman *villae maritimae*

²⁸ Ср.: [D'Arms, 1970, p. 19].

²⁹ Использование публично-правового понятия *imperium*, свойственного магистратам, в отношении природных сил и температуры, которые контролировались владельцем усадьбы в рамках ограниченного пространства как частным лицом, является в данной статье исключительно метафорическим средством и не содержит в себе юридического смысла.

Итак, на основе литературных источников и с опорой на результаты раскопок виллы Сан Марко в Везувианском регионе нами был сформулирован новый взгляд на типологию визуальных осей на *villae maritimae* в эпоху поздней Республики и раннего Принципата. В полемике с Уоллесом-Хэдриллом [Wallace-Hadrill, 1988; 1997; 2022] и его тезисом о фронтальной визуальной оси, объединяющей все основные помещения усадьбы и демонстрирующей перспективу социальной мобильности, было обосновано наличие боковых перспектив, которые могли вызывать иные смыслы и ассоциации у посетителей (суггестии). Всё многообразие осей группируется в систему из двух главных типов перспективы: *invidia (status)* – «претензия на статус», и *imperium (maris)* – «контроль над состояниями природы (в первую очередь над стихией воды)».

В дальнейшем предстоит взглянуть на археологическую реальность всех известных на данный момент приморских вилл, чтобы проверить валидность типологии визуальных перспектив и их вариативность на более широком материале. Таким образом, вывод, сформулированный с применением кейс-метода, в дальнейшем может быть верифицирован с опорой на репрезентативную выборку приморских вилл по всей Римской империи.

Список литературы

- Хоуи Т. Н.** Прогулки с властью: движение и виды на виллах римской элиты в Стабиях // Шаги / Steps. 2017. Т. 3, № 4. С. 234–250.
- Astin A. E., Frederiksen M. W., Ogilvie R. M.** The Cambridge Ancient History. Rome and the Mediterranean to 133 BC. 2nd ed. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 2008. 650 p.
- Castex J.** Architecture of Italy. Westport: Greenwood Press, 2008. 230 p.
- Clarke J. R.** The Houses of Roman Italy, 100 B.C. – A.D. 250: Ritual, Space, and Decoration. Los Angeles: Uni. of California Press, 1991. 448 p.
- D’Arms J. H.** Romans on the Bay of Naples: A Social and Cultural Study of the Villas and Their Owners from 150 B.C. to A.D. 400. Cambridge: Harvard Uni. Press, 1970. 296 p.
- D’Arms J. H.** Puteoli in the Second Century of the Roman Empire: A Social and Economic Study // The Journal of Roman Studies. 1974. Vol. 64. P. 104–124.
- Drerup H.** Architektur als Symbol. Zur zeitgenössischen Bewertung der römischen Architektur // Gymnasium. Zeitschrift für Kultur der Antike und humanistische Bildung. 1966. Bd. 73, Ht. 1/2. S. 181–196.
- Gardelli P.** Stabiae and the Beginning of European Archaeology: from Looting to Science // Actual Problems of Theory and History of Art. 2016. Vol. 7. P. 681–690.
- Habenstein A.** Abwesenheit von Rom: aristokratische Interaktion in der späten römischen Republik und in der frühen Kaiserzeit. Heidelberg: Heidelberg Uni. Press, 2015. 361 p.
- Howe T.** The Social Status of the Villas of Stabiae // The Roman Villa in the Mediterranean Basin. Cambridge, 2018. P. 97–119.
- Klein M.** Envy and Gratitude. A Study of Unconscious Sources. 1946–1963. London; Toronto: Tavistock Publ., 1957. 99 p.
- Kohn M.** Brave New Neighborhoods: The Privatization of Public Space. New York: Routledge, 2004. 244 p.
- Konstan D.** The Concept of “Emotion” from Plato to Cicero // Methesis. 2006. Vol. 19. P. 139–151.
- Lomas K.** The Weakest Link: Elite Social Networks in Republican Italy History and Archaeology of Classical Antiquity // Roselaar S. T. Processes of Integration and Identity Formation in the Roman Republic. Leiden; Boston, 2012. P. 197–215.
- Lundgreen C.** Lucullus und die politische Kultur der römischen Republik. Konkurrenz und Distinktion zwischen Feldherren, Feinschmeckern und Fischteichbesitzern // Hölkeskamp K.-J., Beck H. Verlierer und Aussteiger in der “Konkurrenz unter Anwesenden”. Agonalität in der politischen Kultur des antiken Rom. Stuttgart, 2019. S. 81–126.

- Marzano A.** Roman Villas in Central Italy: a Social and Economic History. Leiden; Boston: Brill, 2007. 823 p.
- Marzano A., Métraux G. P. R.** The Roman Villa in the Mediterranean Basin: Late Republic to Late Antiquity. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 2018. 650 p.
- Mayer J. W.** Imus ad villam: Studien zur Villeggiatur im stadtrömischen Suburbium in der späten Republik und frühen Kaiserzeit. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2005. 266 S.
- Platts H.** Multisensory Living in Ancient Rome: Power and Space in Roman Houses. New York: Bloomsbury Publ., 2019. 361 p.
- Sanders E.** Envy and Jealousy in Classical Athens: a Socio-Psychological Approach. Oxford: Oxford Uni. Press, 2014. 207 p.
- Smith J.** Roman Villas: A Study in Social Structure. London: Routledge, 1998. 378 p.
- Wallace-Hadrill A.** The Social Structure of the Roman House // Papers of the British School at Rome. 1988. Vol. 56. P. 43–97.
- Wallace-Hadrill A.** Rethinking the Roman Atrium House // Laurence R., Wallace-Hadrill A. Domestic Space in the Roman World: Pompeii and Beyond. Portsmouth, 1997. P. 219–240.
- Wallace-Hadrill A.** Houses and Society in Pompeii and Herculaneum. Princeton: Princeton Uni. Press, 2022. 276 p.
- Weeber K.-W.** Die Schwelgerei, das süsse Gift: Luxus im alten Rom. Darmstadt: Primus, 2003. 184 S.

References

- Astin A. E., Frederiksen M. W., Ogilvie R. M.** The Cambridge Ancient History. Rome and the Mediterranean to 133 BC. 2nd ed. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2008, 650 p.
- Castex J.** Architecture of Italy. Westport, Greenwood Press, 2008, 230 p.
- Clarke J. R.** The Houses of Roman Italy, 100 B.C. – A.D. 250: Ritual, Space, and Decoration. Los Angeles, Uni. of California Press, 1991, 448 p.
- D’Arms J. H.** Romans on the Bay of Naples: A Social and Cultural Study of the Villas and Their Owners from 150 B.C. to A.D. 400. Cambridge, Harvard Uni. Press, 1970, 296 p.
- D’Arms J. H.** Puteoli in the Second Century of the Roman Empire: A Social and Economic Study. *The Journal of Roman Studies*, 1974, vol. 64, pp. 104–124.
- Drerup H.** Architektur als Symbol. Zur zeitgenössischen Bewertung der römischen Architektur. *Gymnasium. Zeitschrift für Kultur der Antike und humanistische Bildung*, 1966, Bd. 73, Ht. 1/2, S. 181–196.
- Gardelli P.** Stabiae and the Beginning of European Archaeology: from Looting to Science. *Actual Problems of Theory and History of Art*, 2016, vol. 7, pp. 681–690.
- Habenstein A.** Abwesenheit von Rom: aristokratische Interaktion in der späten römischen Republik und in der frühen Kaiserzeit. Heidelberg, Heidelberg Uni. Press, 2015, 361 p.
- Howe T.** Progulki s vlast'yu: dvizhenie i vidy na villakh rimskoi elity v Stabiyakh [Strolling With Power: New Light on Controlling Movement and Viewing in the Elite Roman Villas of Stabiae]. *Shagi / Steps*, 2017, vol. 3, no. 4, pp. 234–250. (in Russ.)
- Howe T.** The Social Status of the Villas of Stabiae. In: *The Roman Villa in the Mediterranean Basin*. Cambridge, 2018, pp. 97–119.
- Klein M.** Envy and Gratitude. A Study of Unconscious Sources. 1946–1963. London, Toronto, Tavistock Publ., 1957, 99 p.
- Kohn M.** Brave New Neighborhoods: The Privatization of Public Space. New York, Routledge, 2004, 244 p.
- Konstan D.** The Concept of “Emotion” from Plato to Cicero. *Methexis*, 2006, vol. 19, pp. 139–151.
- Lomas K.** The Weakest Link: Elite Social Networks in Republican Italy History and Archaeology of Classical Antiquity. In: Roselaar S. T. *Processes of Integration and Identity Formation in the Roman Republic*. Leiden, Boston, 2012, pp. 197–215.

- Lundgreen C.** Lucullus und die politische Kultur der römischen Republik. Konkurrenz und Distinktion zwischen Feldherren, Feinschmeckern und Fischteichbesitzern. In: Hölkeskamp K.-J., Beck H. Verlierer und Aussteiger in der "Konkurrenz unter Anwesenden". Agonalität in der politischen Kultur des antiken Rom. Stuttgart, 2019, S. 81–126.
- Marzano A.** Roman Villas in Central Italy: a Social and Economic History. Leiden, Boston, Brill, 2007, 823 p.
- Marzano A., Métraux G. P. R.** The Roman Villa in the Mediterranean Basin: Late Republic to Late Antiquity. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2018, 650 p.
- Mayer J. W.** Imus ad villam: Studien zur Villeggiatur im stadtrömischen Suburbium in der späten Republik und frühen Kaiserzeit. Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 2005, 266 S.
- Platts H.** Multisensory Living in Ancient Rome: Power and Space in Roman Houses. New York, Bloomsbury Publ., 2019, 361 p.
- Sanders E.** Envy and Jealousy in Classical Athens: a Socio-Psychological Approach. Oxford, Oxford Uni. Press, 2014, 207 p.
- Smith J.** Roman Villas: A Study in Social Structure. London, Routledge, 1998, 378 p.
- Wallace-Hadrill A.** The Social Structure of the Roman House. *Papers of the British School at Rome*, 1988, vol. 56, pp. 43–97.
- Wallace-Hadrill A.** Rethinking the Roman Atrium House. In: Laurence R., Wallace-Hadrill A. Domestic Space in the Roman World: Pompeii and Beyond. Portsmouth, 1997, pp. 219–240.
- Wallace-Hadrill A.** Houses and Society in Pompeii and Herculaneum. Princeton, Princeton Uni. Press, 2022, 276 p.
- Weeber K.-W.** Die Schwelgerei, das süsse Gift: Luxus im alten Rom. Darmstadt, Primus, 2003, 184 S.

Список источников / List of Sources

- CIL – Henzen W., Huelsen C., Mommsen T. et al. (eds.). Corpus Inscriptionum Latinarum. Berlin, George Reimer, 1863 – present.
- Stat. Silv. – Johnson A. C., Coleman-Norton P. R., Bourne F. C. Ancient Roman Statutes. Austin, Uni. of Texas Press, 1961. 290 p.
- Cato and Varro. On Agriculture. Trans. by W. D. Hooper and H. B. Ash. Cambridge, Harvard Uni. Press, 1934, 576 p.
- Cicero. In Catilinam 1–4. Pro Murena. Pro Sulla. Pro Flacco. Trans. by C. Macdonald. Loeb Classical Library 324. Cambridge, Harvard Uni. Press, 1976, 640 p.
- Cicero. Letters to Atticus, vol. I. Ed. and trans. by D. R. Shackleton Bailey. Loeb Classical Library 7. Cambridge, Harvard University Press, 1999, 352 p.
- Cicero. Letters to Atticus, vol. II. Ed. and trans. by D. R. Shackleton Bailey. Loeb Classical Library 8. Cambridge, Harvard Uni. Press, 1999, 352 p.
- Cicero. Letters to Atticus, vol. III. Ed. and trans. by D. R. Shackleton Bailey. Loeb Classical Library 97. Cambridge, Harvard Uni. Press, 1999, 352 p.
- Cicero. Letters to Atticus, vol. IV. Ed. and trans. by D. R. Shackleton Bailey. Loeb Classical Library 491. Cambridge, Harvard Uni. Press, 1999, 464 p.
- Cicero. Letters to Quintus and Brutus. Letter Fragments. Letter to Octavian. Invectives. Handbook of Electioneering. Ed. and trans. by D. R. Shackleton Bailey. Loeb Classical Library 462. Cambridge, Harvard Uni. Press, 2002, 496 p.
- Fam. – Cicero. On Duties. Trans. by W. Miller. Harvard, 1913, 448 p.
- Cicero. Pro Quinctio. Pro Roscio Amerino. Pro Roscio Comoedo. On the Agrarian Law. Trans. by J. H. Freese. Loeb Classical Library 240. Cambridge, Harvard Uni. Press, 1930, 512 p.
- Petronius, Seneca. Satyricon. Apocolocyntosis. Ed. and trans. by G. Schmeling. Loeb Classical Library 15. Cambridge, Harvard Uni. Press, 2020, 544 p.

Pliny the Younger. Letters, vol. II: Books 8–10. Panegyricus. Trans. by B. Radice. Loeb Classical Library 59. Cambridge, Harvard Uni. Press, 1969, 586 p.

Информация об авторе

Вячеслав Григорьевич Тельминов, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 57219409593
WoS Researcher ID ААК-7341-2020

Information about the Author

Vyacheslav G. Telminov, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 57219409593
WoS Researcher ID ААК-7341-2020

*Статья поступила в редакцию 18.03.2024;
одобрена после рецензирования 23.04.2024; принята к публикации 28.05.2024
The article was submitted on 18.03.2024;
approved after reviewing on 23.04.2024; accepted for publication on 28.05.2024*